

A close-up photograph of a woman's face, seen through a pane of cracked glass. The image is heavily stylized with a blue and cyan color palette. The cracks in the glass create a fragmented, multi-layered effect over her features. She has a serious, intense expression, looking slightly off-camera. Her hair is dark and pulled back. The lighting is dramatic, highlighting the contours of her face and the texture of the glass.

АЛЕНА АЛТУНИНА

**КРЬІСА И
АЛИСА**

Алена Алтунина

Крыса и Алиса

«Издательство АСТ»

2020

Алтунина А.

Крыса и Алиса / А. Алтунина — «Издательство АСТ», 2020

Спасая от рук убийц незнакомку, художница Алиса и не предполагала, что попадет в невероятный переплет из череды непредсказуемых событий. Чтобы вернуть прежнее спокойствие, Алисе придется пройти долгий путь, выяснить, кем была незнакомка, окунуться в перипетии ее жизни. Подробности ее биографии окажутся страшными и не всегда объяснимыми, но Алиса сможет дойти до конца. Каким будет финал, во многом будет зависеть от мужества и сообразительности отважной художницы.

Содержание

Об авторе	6
Крыса и Алиса	8
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алена Алтунина **Крыса и Алиса**

Об авторе

Алена Алтунина (настоящее имя Елена Муляр).

Окончила художественную школу, в 19 лет поступила на архитектурный факультет в Полтаве, после первого курса взяла академический отпуск и уехала в Москву, надеясь заработать денег. За полгода заработать особо не удалось, пришлось бросить институт и осесть в Москве, где позже окончила гуманитарный факультет МИСиС (Московский институт стали и сплавов), вышла замуж. Вместе с мужем воспитывает троих детей.

Первая книга Алены Алтуниной «Убийство с хеппи-эндом» вышла в издательстве АСТ в 2012 году. В мае 2013 года вышла вторая книга «Выжить за бортом».

Среди множества увлечений, таких как вязание, шитье, рисование, дизайн интерьеров, вождение автомобиля, самым главным стало – писать детективы – профессия и увлечение!

Крыса и Алиса

День выдался что надо: солнышко светило ласково и радостно, по небу проплывали белоснежные курчавые облака, воздух обволакивал теплом и слегка подрагивал, – самое время, чтобы изобразить тот вид, который я заприметила с берега реки, где она извивалась и открывала великолепный пейзаж. Огромная старая ива свесила над рекой гибкие тонкие ветки. Некоторые из них утопали в воде, пытаясь уплыть за течением. Ива и небо отражались в чистой воде, создавая оптический обман: линия горизонта размывалась, и было непонятно, где вода, а где – небо, где ива, а где – ее отражение. Завораживающая картина! Я давно хотела написать ее, только ждала хорошей погоды. И вот, выйдя из дома, поняла, что погодка самая подходящая, и нужно ловить момент.

У соседа я взяла лодку и поплыла по реке. Настроение – лучше не бывает! Вода, лодка, прекрасная погода и перспектива живописать. Что еще нужно художнику, чтобы ощутить вдохновение? Я приплыла к месту назначения, пришвартовала лодку, достала из нее мольберт и вскарабкалась на берег. После гребли руки немного болели, и я села под кустом отдохнуть. Здесь в лесу было так много кислорода и прохладной тени. Вокруг убаюкивающе гудели насекомые и шелестела листва. После потения за веслами на меня навалилась сладкая истома. «Немного полежу, а потом – за работу!» – сказала я сама себе. Однако я не смогла побороть искушение, поэтому решила немного вздремнуть, надеясь, что за это время погода не изменится: проснусь и начну писать. Уже засыпая, я подумала, что этот сюжет похож на сказку Льюиса Кэрролла, в которой Алиса уснула, и с ней произошли невероятные приключения. Меня тоже зовут Алиса. Только вряд ли со мной что-то произойдет в этой глуши – даже кролик не сможет появиться! Откуда ему здесь взяться?

Сколько я спала – не знаю. Наверное, немного: вокруг ничего не изменилось, солнце по-прежнему светило с нужной точки. Только проснувшись я не сама – меня разбудил чей-то голос: – Крыса!

Я вздрогнула: этих грызунов я боюсь патологически. И мгновенно пришла в себя, решив, что это сон: я ведь думала о кролике, когда засыпала, вот он и трансформировался в крысу. Во сне все возможно.

Но тут я услышала какое-то утробное мычание и покашливание. «Наверное, это страстные влюбленные забрели в эту чащу, чтобы заняться сексом», – предположила я. Вот ситуация! Теперь придется сидеть и слушать их вздохи. Или, может, лучше выдать свое присутствие и спугнуть их? Но мужской голос спросил:

– Доигралась, крыса?! Только так можно усмирить тебя!

Эти слова и угрожающая интонация не были похожи на вопрос влюбленного. Тогда я захотела посмотреть, что происходит. На коленях подползла поближе к кустам и осторожно раздвинула их.

«Мамочка! Это просто дурной сон! Такого в действительности не бывает!» – подумала я.

На земле лежала связанная женщина. Ее рот был заклеен скотчем, и это она мычала, пытаясь что-то сказать. Рядом с ней были два парня. Один копал яму небольшой лопатой, второй стоял над женщиной и говорил ей страшные слова:

– Вот и конец тебе, крыса! Можешь помолиться перед смертью. Хотя тебя это вряд ли спасет – будешь гореть в аду!

Боже мой, что сейчас будет?! Богатое воображение так живо нарисовало предстоящие ей муки, что мне стало дурно. Я не очень храбрый человек, но перспектива увидеть обещанное женщине убийство заставила меня действовать. Я осмотрелась: вокруг ничего, похожего на оружие, не было. Даже плохонькой палки не оказалось. У меня с собой только мольберт. Еще есть весло, но оно возле лодки у берега. И если я начну спускаться за ним, то точно выдам

себя. Что делать?! Я посмотрела на мольберт. Может, прыснуть этим парням в лицо краской или ударить кисточкой? Глупость какая! Да вот же оно, смертельное оружие – тренога от мольберта! Она и тяжелая, и острая. Я осторожно отвязала ее. Ну, в бой! Теперь вся надежда на удачу. Если я не одолею парней, то меня, скорее всего, закопают вместе с женщиной. Эта здравая мысль не остановила меня, а наоборот, придала столько сил, что я не раздумывая бросилась на убийц.

Первым я ударила того, что стоял ко мне спиной. И правильно сделала – в руке у него был пистолет с глушителем. Второй поднял голову и выставил перед собой лопату. У него оказалась хорошая реакция, но на моей стороне была внезапность, и на долю секунды я оказалась быстрее: тяжелая тренога полетела ему в лицо. Главное – не промахнуться! Сила броски и траектория полета треноги оказались верными – та попала по лопате, а потом вместе с ней ударилась о лицо парня. Он упал в яму, которую копал. Не рой яму другому, а то сам в нее попадешь! Вот как воплотилась пословица в реальной жизни.

Я подняла треногу – она мне еще пригодится для мирных целей, – и на всякий случай забрала пистолет. Подошла к женщине и начала ее развязывать. Это было непросто: узлы сильно затянулись. Пришлось наклониться и достать лопату. Лицо у парня, лежащего в яме, было изуродованным. Неужели это я его так? Невероятно, на что могут быть способны люди в экстремальных ситуациях! Лопата оказалась достаточно острой, чтобы разорвать веревки. Когда женщина была развязана, зашевелился первый парень. Я уже хотела прибегнуть к испытанному оружию и ударить его по голове, но не успела. Женщина схватила пистолет, который я положила рядом с ней, пока возилась с веревками, и выстрелила в парня.

– Вы с ума сошли! – закричала я. – Вы убили его!

Но она меня не слушала и прицелилась во второго парня. Довели человека! Среди бела дня стреляет направо и налево. Я помешала ей совершить убийство. Кем бы ни был этот парень, я не сторонник крайних мер. А может, мне просто не пришлось дойти до точки, до которой дошла эта женщина? Как бы там ни было, я оттолкнула ее:

– Прекратите! Что вы делаете! Я спасла вас не для того, чтобы вы убивали! Нам нужно уходить! Идите за мной! – я потянула ее, и она послушалась.

Мы спустились к берегу и сели в лодку. Нужно было плыть к дому. Но оказалось, что у меня так дрожали руки, что даже тяжелые весла ходили ходуном.

– Не могу, – сказала я.

Женщина сорвала скотч со рта.

– Куда грести? – спросила она хриплым голосом.

– Туда! – я показала вибрирующим пальцем в направлении дома.

Женщина налегла на весла, и мы поплыли возле самого берега, прячась за нависающими кустами. По дороге мы молчали. На языке вертелось множество вопросов, но после пережитого у меня не было сил говорить.

Я рассматривала женщину. Она была красивой. Абсолютно белые волосы были очень коротко подстрижены. Грязное лицо с правильными чертами: ровный нос, красиво очерченный рот, выразительные, немного жесткие голубые глаза. Кажется, она из тех людей, которых трудности только закаляют. Вон какой у нее решительный вид, и руки не дрожат! Не то, что у меня. Такое впечатление, что это она меня спасла, а не наоборот! Я сейчас, наверное, выгляжу жалко. Полный упадок сил и сломленный дух. Но что удивляться?! Я человек мирный, неконфликтный. А тут такая передряга. Пришлось даже людей избить. Я вспомнила лицо парня с лопатой. Б-р-р! Теперь он мне точно будет сниться – я художник, и разные образы часто преследуют меня.

Моя жизнь мало насыщена событиями: живопись, выставки, мирный, малоприметный муж, и опять живопись... Со мной никогда ничего подобного не происходило, да и не могло произойти. Мой образ жизни далек от страстей. Все слишком пресно, но это однообразие и

дает мне силы творить. Моя страсть – живопись, которая зачастую так поглощает меня, что я с трудом возвращаюсь к реальности. Будь моя жизнь чуть активнее, я перестала бы писать из чувства самосохранения или давно бы перебралась жить в психушку – лишнюю нагрузку мой мозг просто не осилит.

Как я упоминала, у меня есть муж. Он иждивенец, давно и плотно сидящий на моей шее. Не уверена, что он когда-либо работал – это не его путь. Думаю, женитьба на мне – единственное действие, к которому он приложил усилия и которое себя оправдало. С тех пор он никогда не напрягался – он достиг своей вершины. Даже в то время я осознавала, что его «ухаживания» за мной не от великой любви, а от меркантильных интересов. Но не понимала, что я могу ему дать: на момент нашего знакомства я была малоизвестным и не востребованным художником. Я ведь могла не состояться – и тогда бы оказалось, что Кока зря старался. Хотя я мало разбираюсь в таких вещах, все равно понимаю, что его ухаживания были слишком скорыми и лишены романтической окраски.

Всю неделю Кока приходил на мою первую выставку, целый день рассматривал картины, пил кофе из автомата и мозолил глаза. К концу недели он так примелькался, что я уже начала высматривать его среди посетителей. И если не находила, удивлялась, куда это он исчез. Но он не исчезал навсегда, и я окончательно привыкла к его присутствию. Когда на закрытии выставки он пригласил меня ко мне же домой, я обрадовалась. В моей жизни было мало друзей и вообще не было мужчин, я была одиноким человеком. И хотя меня это не беспокоило, иногда хотелось ощущать рядом с собой живое существо. Когда-то у меня даже была собака, но она через месяц сбежала прямо у меня на глазах, примкнув к своре бродячих дворняг. И как я ни звала ее, она не захотела вернуться – наверное, я плохо за ней ухаживала. Наш союз с Кокой оказался взаимовыгодным: он с упоением бездельничал, находясь под моим материальным покровительством, а рядом со мной появилась живая, молчаливая, не стремящаяся сбежать душа. И не только его физическое присутствие было ценно для меня: Кока, как оказалось, был очень полезен в некоторых случаях. Живописью я занимаюсь ежедневно. Это и мой хлеб, и мое призвание, и смысл жизни. Но примерно раз в месяц со мной случается приступ неземного вдохновения – это что-то вроде транса, сомнамбулического, лунатического или другого ненормального состояния. За несколько часов до него меня начинает потряхивать, пропадает аппетит, я плохо слышу и воспринимаю действительность. Голова работает над образами будущего полотна, и я готовлюсь написать что-то, даже не до конца успевшее сформироваться в моем воображении: есть только идея, неясный образ, нечто эфемерное. Когда я оказываюсь в мастерской и прикасаюсь к полотну кистью, образы становятся отчетливее, и мои кисти творят как бы сами по себе. Я лишь орудие в руках высших сил, в такие моменты для меня существует только этот процесс, и неважно, сколько часов он длится – все физиологические потребности забываются. Так вот, в эти моменты Кока как верный пес сидит под дверью мастерской и прислушивается к любому шороху. И когда я высовываю голову из мастерской и говорю: «Церулеум... масло!» – он понимает, что мне нужно не подсолнечное и не сливочное масло, а масляная краска, и именно небесно-голубого цвета. Кока открывает специальный шкафчик и приносит то, что нужно. Оставлять запасы краски мне под рукой нельзя: в случае «приступа» они будут использованы почти все, так как, повторяюсь, я себя не очень-то контролирую. Именно в эти моменты я создаю что-то стоящее в прямом и переносном смысле. Эти полотна необыкновенные, иногда сама не верю, что это я их сотворила. И покупают их у меня за огромные деньги. Последняя моя работа была оценена в пятьдесят тысяч долларов, а поскольку претендентов на нее было несколько, то купили ее за сто тысяч. Хотя и «нетрансовые» картины неплохо продаются, но за меньшие деньги. Наверное, Кока разглядел что-то такое в моих ранних работах, раз так «привязался» ко мне. Он невероятно эрудированный человек. Я так думаю, понять это непросто, так как он почти всегда молчит: его ум выдают

лишь глаза и то количество книг, которое он ежедневно читает. Даже если сотая часть прочитанного осядет в его голове, он уже будет на порядок умнее многих далеко не глупых людей.

Так мы с ним и живем, наверное, не совсем нормально, не очень романтично. Скорее, как друзья, чем как любящие супруги. Но думаю, на земле нет двух одинаковых браков. Все супружеские пары живут как умеют, выстраивая отношения по своему усмотрению. Наши отношения были такими.

Мы почти доплыли до места, где было удобно оставить лодку. Я показала рукой:

– Нам туда!

Женщина кивнула.

Она догребла до берега и втащила лодку подальше на песок, хотя я из лодки еще не вышла! Я так и села обратно от удивления. Вот это силища! Нет слов! А она даже не обратила на это внимания. Женщина почти вскарабкалась на крутой склон, и только потом оглянулась. Заметив, что я все еще сижу в лодке разинув рот, она нетерпеливо махнула мне рукой. Я очнулась и поспешила за ней.

Я шла позади и незаметно рассматривала ее. Высокая, гибкая, крепкая, даже немного мускулистая, она шла пружинистой, грациозной и какой-то крадущейся походкой, как рысь или пантера. Ее красивая фигура с плавными изгибами и правда напоминала изящные контуры кошки. Нужно будет сделать с нее наброски – такое физическое совершенство нечасто встретишь.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Кэт. Или Катерина, – представилась она.

Надо же, Кэт. То есть «кошка». Очень ей подходит. Назвать ее Катей язык не повернется – это имя к ней не имеет отношения, оно для другой женщины: пухленькой, милой и домашней. Кэт на такую не была похожа.

Она уверенно шла впереди меня будто к себе домой и оглянулась лишь только раз, когда мы подошли к поселку. Взгляд ее спрашивал: дальше куда? Я указала рукой на свой дом:

– Туда!

Она опять кивнула и зашагала к дому как хозяйка.

Дом – моя гордость. Когда картины начали приносить хороший доход, я сообщила Коке, что хочу уехать из душной и тесной для меня квартиры за город. Квартира, хоть в ней и были три комнаты, давила стенами: мне не хватало пространства, воздуха. Хотелось, чтобы взгляд не цеплялся за многочисленные предметы мебели и не упирался в очередную стену. Я мечтала об уютном и просторном доме с большими комнатами, где мебель будет по назначению, а не потому, что жалко выбросить, и при этом изысканной, может быть, антикварной. Я хотела, чтобы стены были выкрашены в пастельные тона, и на них висели мои самые любимые полотна. Чтобы, выйдя на балкон, не смотреть в окна соседей, а лицезреть простор поля или зелень леса, или рябь реки. Чтобы глаза отдыхали от суеты.

Когда риелтор предложила нам этот вариант, я сразу поняла, что это мой дом: он стоит немного на возвышенности, из окон видны и лес, и река, и луг. Площадь участка – двадцать пять соток с редко засаженным газоном, в основном по периметру росли ели, кипарисы, декоративные кустарники, лишь рядом с домом сохранился старый крепкий дуб, который мне очень нравился. От него падала красивая тень, а осенью – резные разноцветные листья и желуди: сочетанием красок и оттенков на дубовых листьях я могла любоваться бесконечно. Дом был большой, просторный, из светлого кирпича. Строители разрушили все стены, которые можно было снести, увеличили проемы окон, и он получился идеальным. Выстроен он был буквой «Г»: в одной части располагалась гостиная, около сорока квадратных метров, во второй – кухня-столовая. В обеих частях были панорамные окна. То есть не только окна в пол на пер-

вом этаже, но и такие же огромные окна на втором. Там, где кухня с гостиной пересекались, со стороны столовой находилась лестница на второй этаж, рядом с ней – комната для гостей, кабинет и санузел. На втором этаже тоже был санузел, мой любимый, с огромной ванной, и две спальни: моя и Кокина. Вся стена гостиной была увешана моими картинами. Часто, лежа на диване, я смотрела не в телевизор, а медитировала над своими картинами, мысленно доводя их до совершенства. Такие упражнения помогали мне в следующих работах вносить дополнительные штрихи, которые ранее я упустила.

Еще на участке стоял флигель, в котором размещалась моя мастерская. В отличие от дома, здесь царил хаос. Наша приходящая домработница, впервые увидев ее, пришла в ужас и растерялась: разобраться, что выбросить, а что оставить в ней, могла только я. Только я знаю назначение некоторых предметов, поэтому и убираюсь в мастерской сама. Каждая уборка заканчивается одинаково: сначала я что-то отсортировываю, раскладываю по местам, затем натягиваю холст на раму или рассматриваю уже подготовленные холсты. Потом мне приходит в голову очередной сюжет картины, и я незаметно для себя начинаю делать наброски. А дальше – уже дело техники: я иду к заветному шкафчику, достаю краски и продолжаю работать с цветом. Как только я пропадаю в мастерской, Кока, несмотря на свою лень, заходит ко мне и определяет, нормальная я или в трансе. Вдруг он не заметил характерных признаков надвигающегося приступа? Если я в норме, он спокойно возвращается в свое любимое кресло. Если я в «припадке» – садится под дверь мастерской, читает и прислушивается: вдруг я окончательно съеду с катушек, и мне потребуется помощь.

Когда я и Кэт вошли в дом, Кока дремал. Почувствовав наше присутствие, он открыл глаза и оторопело посмотрел на Кэт. Сначала я решила, что он удивился появлению гостя в нашем доме, но когда Кока покраснел, то поняла, что это что-то другое. Кэт стояла ближе к нему, а я из-за ее спины наблюдала его странную реакцию. Он смотрел на нее глазами кролика, которого зомбирует удав, и не мог отвести взгляда. Его зрачки расширились и потемнели. Не знаю, о чем Кока думал в этот момент, а я вдруг поняла, что он никогда на меня так не смотрел: как на женщину, совершенство, как на что-то фантастически прекрасное. Меня он вообще редко рассматривал, только когда нужно было определить степень моего помешательства на живописи – это было нужно для общего дела, для поддержания нашего благосостояния. А просто так, как он сейчас пялился на Кэт – никогда! Я ощутила укол. Нет, не ревности, а зависти! Да, я завидовала! Завидовала Кэт, в которой с первых секунд увидели женщину. Мне ведь тоже хочется хоть раз в жизни почувствовать себя такой, а не художницей с легким приветом, несущей «золотые яйца». Сегодня я осознала, что на меня никогда так не посмотрят.

Мысленно я сравнила нас: почти одного роста, обе стройные. Только она фигуристо-стройная, как девушка с обложки, а я просто худосочная. Я вовсе не крепкая. Немного сутулая, так как с юности стеснялась четвертого размера груди, привыкла сжиматься и прятать ее. Сейчас уже комплекс исчез, а привычка осталась.

У меня, как и у Кэт, голубые глаза. И хотя они большие и красивые, их почти никто не замечает: свою близорукость и я прячу за очками. Волосы у меня средней длины и неопределенного цвета – я всегда знала, что этот цвет делает меня блеклой и неинтересной, но никак не могла придумать, какой краской мне окрасить волосы. В этом случае мне мешал мой художественный вкус. Я представляла некий сложный интересный цвет, почти как на дубовых листьях. Когда я пыталась объяснить и даже изобразить это буйство красок стилистам, они смотрели на меня как на «мадам Куку» и не понимали. Я обижалась и уходила, с чем пришла. У Кэт же волосы аккуратно подстрижены, а цвет такой, будто она только что из салона – даже корни еще не отросли. Может, убийцы забрали ее прямо из парикмахерского кресла?..

Но думаю, что даже будь мы близнецами, я бы все равно казалась невзрачной рядом с Кэт, потому что она вела себя как повелительница вселенной, я же – как серый мышонок. Я не умею себя правильно подавать и повелевать не привыкла.

Кока встал, что уже нонсенс. И сказал каким-то новым и нарочито равнодушно-веселым голосом:

– У нас гости? Представь нас, Алиса! Я – Николай.

Я уже вышла из тени Кэт и могла видеть их обоих.

Она кивнула и села в любимое кресло Коки. Он ни мимикой, ни действиями не выразил протест. Просто чудо какое-то! Кока никого не подпускал к своему креслу – это был только его трон, его движимое имущество. Я так уж точно ни разу в нем не сидела. Может, потому что была слишком занята.

– Ее зовут Кэт, – представила я гостью.

Кока преобразился лицом. Видимо, это имя ему наваяло какие-то фантазии. «Мое имя тоже необычное, – подумала я, – но ты от него так слюни не пускал».

Какой сегодня странный день, а начинался так многообещающе! Иву у воды я так и не изобразила, зато влипла в историю, которая уже давно выглядит подозрительной.

– Думаю, вы хотите принять душ? – спросила я у Кэт.

Она кивнула.

– Давайте подберем вам что-то из моей одежды? Думаю, она вам подойдет, – предложила я.

Кэт слишком пристально посмотрела на меня и бодро поднялась с кресла. Кока тоже подался за ней. Я остановила его жестом:

– Мы справимся сами, – отрезала я.

После этих слов Кока наконец-то заметил меня и как-то скис.

– Ну да, – протянул он.

Пока я подбирала одежду для Кэт, она стояла рядом и внимательно изучала меня. Даже чересчур внимательно. Ну конечно же! Я ведь ее спасла. Похоже, думает, откуда у такой хлипкой особы столько храбрости. Да я и сама удивляюсь! Позже расспрошу о тех типах, которые хотели ее убить. Интересно, что она такого натворила? Может, отвергла влиятельного поклонника? Или украла что-то ценное? Или?.. Даже не знаю, что еще придумать.

Я отложила вещи и проводила ее в ванную, сама ушла на кухню посмотреть, что приготовила Галина – наша домработница. Еды оказалось вдоволь, хватит нам всем. Кока подошел ко мне и спросил:

– Кто она? Где ты ее взяла?

– Ее хотели убить в лесу. Я ее спасла, – ответила я.

– Да ладно! – не поверил он.

– Представь себе! Красивая, да? – спросила я его в лоб.

Вместо ответа Кока покраснел. Он легко краснеет, потому что Кока – рыжий. У него длинные волосы до плеч, большие грустные карие глаза и улыбчивый рот с алыми губами. Когда мы с ним только познакомились, я подумала, что он очень похож на добродушного кокер-спаниеля, отсюда и прозвище – Кока.

К нам подошла посвежевшая Кэт. Она была в моих шортах, обнажающих стройные и смуглые ноги. Светлую и тонкую футболку она надела на еще влажное тело, поэтому ее грудь предстала перед нами во всей красе. Даже я залюбовалась. Что уж говорить о Коке?.. Он шумно сглотнул и с трудом отвел от нее взгляд. Молодец, подобрал слюни!

Мы сели за стол. Галина оставила нам сваренный ею овощной супчик, зажаренного гуся и домашний хлеб. Кока принес бутылку красного вина. Кэт не стала пить вино и есть суп, а

накинулась на гуся. Она ела жадно, разгрызая кости и почти не оставляя объедков. Видимо, ей долго не удавалось поесть. Бедная...

Зато Кока налегал на вино, что за ним раньше не водилось. Иногда мы пили глинтвейн, сидя у камина, изредка – сухое вино, когда хотелось расслабиться. Но немного, только чтобы кровь разогнать. Я обычно пила после приступов, потому что после них у меня не бывало аппетита, а от бокала вина он появлялся.

Сегодня же Кока выпил намного больше обычного и вообще вел себя странно. Всегда вялый и расслабленный, обычно он спал или читал, изредка смотрел телевизор, еще реже выходил за пределы участка. Сейчас же он был возбужден, взвинчен и даже говорлив:

– Девочки, давайте выпьем за знакомство! Нам очень приятно, что вы, Кэт, посетили наш дом.

Кэт ела, не обращая на него внимания. А Кока не унимался:

– Мы живем так скучно. Правда, Аля? – это он мне, а потом Кэт: – А вы скрасите наши серые будни.

Кажется, он напился, раз перешел на банальности. А может, он всегда так изъясняется, когда не молчит? За четыре года нашего брака мы очень мало общались, и я, по сути, почти не знаю его.

– Вкусно, – Кэт наконец-то насытилась.

– На здоровье! – сказала я ей.

Кока еще какое-то время посуетился, потом, видимо, иссяк, пытаясь привлечь наше внимание. Да и алкоголь подкосил его. Он ушел в свою спальню.

Теперь, когда мы остались вдвоем, я решила спросить ее о происшествии.

– Что хотели от вас те парни? – спросила я.

– Убить, – разъяснила она очевидное.

– Я это заметила. Но за что?

– Старые счета, – спокойно ответила Кэт.

– Но если бы я не напала на них, вас бы уже не было в живых, – напросилась я на благодарность.

– Скорее всего, – согласилась Кэт.

Я замолчала. Даже не знала, о чем еще спросить: она не особо разговорчива.

– Вкусный был гусь, – вдруг заявила она.

– Можно на завтра еще заказать, раз вам понравился.

– Хорошо, – согласилась Кэт.

После «хорошо» в таких случаях обычно следует «спасибо». Я подождала немного – нет, не прозвучало. Видимо, наша гостья не привыкла благодарить.

Не знаю почему, но ее присутствие тяготит, мне с ней неуютно. Наверное, потому что у нас редко бывают посторонние люди. Ладно, пусть переночует. Может, пару дней поживет, пока оправится от случившегося, а потом я дам ей немного денег, и на этом наши пути разойдутся.

Я провела Кэт в гостевую спальню на первом этаже, которая всегда пустовала.

Сейчас я подумала, что еще ни разу за два года у нас никто не ночевал. А кто к нам мог приехать? Мои институтские друзья давно разбрелись по жизни. Они люди творческие, ранимые, с тонкой душевной организацией. Почти все не устроены. Художник должен быть голодным – был такой негласный девиз. Считалось, что недоедать, пить, курить, носить неопрятные вещи – это китч. А если человек искусства сыт и доволен жизнью, он не может создать шедевр. Тот, кто откололся от голодной братии, те предатели и отщепенцы – я была из их числа.

Мои родители погибли в автокатастрофе, когда я училась на четвертом курсе. Это был страшный год моей жизни: в один миг я стала сиротой, потеряв самых дорогих, самых любимых людей. Тогда мне было очень плохо. Меня вытащил папин друг Вениамин Петрович. Он

навещал меня, заботился, помог с похоронами, позже оформил наследство. Если бы не он, я бы, наверное, осталась без квартиры: мне бы обязательно попались какие-нибудь мошенники – они таких как я за версту чуют. Когда появился Кока, Вениамин Петрович приезжал посмотреть на «зятя». Мы тогда накрыли стол, прибрались в квартире – в общем, расстарались. Он изучал Коку, о чем-то с ним поговорил, не стал есть и ушел. Когда я провожала его, он сказал:

– Смотри, Лисонька (он меня так иногда называет)! Тебе с ним жить.

– Он вам не понравился? – огорчилась я.

– Главное, чтобы он нравился тебе, – уклончиво ответил он.

Два года назад Вениамин Петрович приезжал на новоселье в этот дом. На тот раз я получила большее одобрение.

– Молодец, Лисуха! (Так он меня называет, когда у него хорошее настроение.) Повзрослела, моя умница. Хороший дом! Перестроила его грамотно. Места много. Красота! Будет детишкам где бегать. Когда же ты меня дедом сделаешь?

– Ну, не знаю! – замямлила я.

– Или ему, – он кивнул в сторону Коки, – и этим лень заниматься?

Это была первая фраза, выражающая его отношение к моему мужу.

– Я еще не готова, – заступилась я за Коку.

– Ты никогда не будешь готова. Немного умерь свой пыл. Искусство вечно! А у тебя жизнь одна. Не приноси себя в жертву.

– Да я не приношу, – оправдывалась я.

– А то я не вижу! Сколько картин за этот год наваяла?

– Ваяют скульптуры! А я пишу, – разъяснила я.

– Да знаю я! Ты неисправима!

– Спасибо вам за все! – поблагодарила я его.

– Если бы знал, что так обернется, не стал бы помогать тебе с выставкой!

Это Вениамин Петрович организовал мою первую персональную выставку, с которой и началась моя карьера.

– Но почему? Вы не рады?

– Ты молодец! Пчелка! Все трудишься, по капельке свой талант развиваешь. А этот... – он неодобрительно посмотрел в сторону Коки.

– Я все знаю. Не говорите, – остановила я его.

– Эх... – он вздохнул и пошел к машине. Потом набрал полную грудь воздуха, шумно выдохнул: – Ну до чего же хорошо здесь!

Уже садясь в машину, он долго колебался. Потом все же сказал:

– Лисонька, первый и последний раз скажу тебе: бросай своего трутня и найди нормального парня. Иначе это тупик.

– Все, все, – я закрыла уши, – ничего не слышу. Приезжайте, когда захотите! – пригласила я.

– Угу, – он захлопнул дверь машины и сказал водителю: – В офис!

Я показала Кэт ее комнату на первом этаже, достала постельные принадлежности, выдала халат, зубную щетку, тапочки. Кэт сняла шорты и легла в кровать.

– Располагайтесь! – предложила я.

– Тебя как зовут? – спросила Кэт.

– Алиса.

– А-а, – протянула она.

– Спокойной ночи! – пожелала я.

Она повернулась на другой бок. Я пожала плечами, закрыла дверь и вышла.

Странная все же женщина! Происходящее принимает как должное. Рядом с ней я чувствую себя прислугой.

Ночью мне снились кошмары. Наверное, сказался шок от пережитого днем. Как я и предполагала, во сне меня посетил парень с изуродованным лицом. Он гнался за мной и кричал: «Постой!» Я его ужасно боялась и убежала что есть мочи. Фу! Я проснулась и вышла на балкон подышать. Полная огромная луна зависла над самым нашим домом. Она была такой яркой, что четко освещала все предметы. Было ясно, как днем. Только днем тепло и радостно, а от луны сегодня мне стало не по себе. А может, я не успела стряхнуть с себя сон? Вдруг я отчетливо услышала рычание: жуткое, хищное, свирепое. Наверное, нас посетил лесной зверь и спрятался совсем рядом, потому что рык я слышала близко и отчетливо. У меня на голове зашевелились волосы, а по телу пробежала дрожь. Днем – кошмар, ночью – кошмар. Скорее бы утро! Я осторожно пробралась к себе в постель и зарылась в одеяло. Уснуть не получалось, а встать и спуститься на кухню выпить молока не могла: боялась даже ногу высунуть – вдруг ее кто-то цапнет. Почти под утро, вдоволь настраивая себя, я уснула.

Думаю, что спала я недолго. Я проснулась от громкого возгласа: «Хоп!» Это что еще за звук?! Может, это лесного зверя кто-то дрессирует?

«Хоп!» – разнеслось снова. Сейчас я была куда храбрее. Или за ночь исчерпала весь запас страха, поэтому спокойно вышла на балкон?

Кэт посреди двора делала зарядку. Но какая необычная это была зарядка! Вместо «ноги вместе, руки шире!» Кэт отжималась: отжим, хлопок в ладоши, отжим, хлопок в ладоши. И так много-много раз. Вместе с хлопком она выдыхала: «хоп!». Потом она перешла к боксированию невидимого противника, затем – к отработке на нем каких-то замысловатых приемов. Как грациозно и красиво у нее это получалось! Как у профессиональных каратистов! Видела когда-то по телевизору. Виртуоз!

Я развернулась, чтобы уйти. И тут увидела высунувшегося из окна Коку. Он был сонный, мятый, с голым и рыхлым торсом. Но в лице читалось вожелание. Он смотрел на Кэт не мигая. Его сонная физиономия постепенно просыпалась. Он откровенно распался, даже начал растирать свою грудь.

– Гм-гм! – покашляла я, чтобы прервать эту единоличную вакханалию.

Кока вздрогнул, увидел меня и исчез.

«Трус!» – подумала я.

Поведение Коки беспокоит меня. Эта женщина рождает в нем фантазии. И он из умного, начитанного мужа превращается в трепещущего от эротических желаний и плохо контролирующее себя существо. Кока откровенно деградирует. Никогда за ним не замечала подобного низменного проявления эмоций. Нужно избавиться от Кэт, пока мой муж окончательно не разложился. Она уйдет, и мы вновь обретем привычный покой.

«А может, я все-таки ревную?» – спросила я себя. Прислушалась... Нет! Не ревность это. Это – нежелание что-то менять. Нам ведь так хорошо и спокойно жилось, а Кэт своей сексуальностью легко может разрушить наш мирок. Я все знаю о недостатках своего мужа. И, как видите, не питаю иллюзий. Но еще один недостаток, до сих пор мне не известный, может перевесить чашу терпимости в сторону разочарования.

Я спустилась вниз. На кухне уже хлопотала Галина. Она испекла много тонких и вкусных блинчиков, выставила из холодильника красную икру к ним и заварила душистый чай.

– Здравствуйте! – приветствовала она меня. – У вас гости?

– Здравствуйте, Галина! Да, как видите. Гости. Вы не могли бы на сегодня еще зажарить гуся?

– Алиса Павловна, я не успею. Я собралась сегодня навестить дочь. А с гусем мороки много. Нужно убить, ощипать, распотрошить...

– Я могу все это сделать, – сказала незаметно подошедшая Кэт.

Галина вопросительно посмотрела на меня. Я кивнула.

– Хорошо. Я приготовлю завтрак и схожу за гусем.

Спустился виноватый Кока. Я посмотрела на него и похлопала по плечу, что означало: «Ладно, дружок! С кем не бывает?!» Но Кока еще больше сжался и за завтраком не поднимал на меня глаз.

Кэт вновь продемонстрировала отменный аппетит и крайний эгоизм, уничтожив всю банку икры. Блины она не особо жаловала. Не царское это дело – печеное тесто есть, если икра на столе!

После завтрака пришла потная и раскрасневшаяся Галина. Она принесла огромного шипящего гуся.

– Вот! Еле дотащила. Самый большой, но злоющий, гад.

– Что ж ему не быть злым?! Мы ведь собираемся его зажарить, – оправдала я гуся.

– Все руки исклевал, зараза! – потирала руки Галина. – Куда его?

– Давайте за мастерскую. Там можно привязать к забору.

– Я отнесу, – предложила Кэт. – Где мастерская?

Галина посмотрела на нее с благодарностью и указала на флигель. Кэт, схватив гуся за шею, поволокла туда птицу. Огромный гусь выглядел таким беспомощным в ее руках, что мне даже стало его жаль.

– Пойдите! – окликнула я ее.

Кэт не остановилась. Я поспешила за ней: хотела предложить покормить гуся перед смертью. Уважить, так сказать, его право на последнее желание. Догнав, я увидела корчащегося гуся в руках Кэт – она закрутила ему шею и сломала ее. Мне стало плохо от увиденного. Я тихо отошла от места экзекуции и села на ступеньки мастерской. Немного отдышавшись, решительно поднялась. Все, довольно! Эта женщина пугает меня. Пусть уходит, сегодня же! Я зашла за угол флигеля и увидела Кэт, содрогающуюся в конвульсиях. Лицо ее при этом выражало блаженство. Странно. Что это? Может, она больная? Похоже на эпилептический припадок, или это что-то другое?

Я подошла к ней:

– Что с вами?

Ее глаза постепенно прояснились. Она сфокусировалась на мне и бодро сказала:

– Все отлично! Мне нужен нож и кипяток, чтобы разделить и ошпарить гуся.

– Откуда вы знаете, как это делается?

– Жизнь длинная... – объяснила она.

Опять мне ничего о ней не удалось узнать.

Я попросила Галину дать Кэт все необходимое, а сама ушла в мастерскую. За работой я смогу отвлечься от негативных мыслей и домыслов.

Во флигеле я начала привычные манипуляции: протерла кисти, проверила, хорошо ли натянут подрамник, наточила карандаши, подготовила краски, шпатели, тряпки. Обычно после этих процедур я бываю готова творить. К этому времени я обычно понимала, чем буду заниматься: делать набросок будущего полотна или сразу же бралась за смешивание цветов. Так как иногда, получив новый интересный цвет, я под него придумывала сюжет. Сегодня же у меня не было ни одной идеи: мысли произвольно возвращались к Кэт. Я осознаю, что она человек из другого мира, и, конечно же, не похожа на меня, поэтому мне трудно ее понять. Я отдаю себе отчет, что не могу и не должна осуждать ее за то, что она другая, но не могу не обдумывать и не анализировать ее поступки. Думая о ней, я все же начала выводить на бумаге линии, что-то штриховать, растушевывать. Очнувшись от мыслей и взглядевшись в рисунок, я увидела на нем лицо Кэт. Но не с правильными чертами, как в жизни, а с искаженными моим предубеждением к ней. Она была уродливой, даже страшной, хотя черты лица были теми же.

Это был не документальный портрет человека, а отражение его внутреннего состояния. Вернее, таким, каким я его себе представляла.

– Это я? – прозвучало у меня за спиной.

Она вновь бесшумно подошла и напугала меня. От неожиданности я возмутилась:

– Сюда, – с натиском сказала я, – *никому* нельзя входить!

Она опять внимательно всмотрелась в мое лицо и неожиданно согласно кивнула:

– Понятно! Больше не войду.

Я так удивилась, что простила ее. Тем более, она уже была здесь.

– Вам нравится? – спросила я ее, указывая на портрет.

Мне интересно было узнать ее мнение, потому что рисунок был очень необычным.

– Похожа, – сказала она.

И это все. Кажется, ее не смутило уродство портрета. А может, его замечаю только я. Я сняла лист с подрамника и отправилась к Коке.

Кока возлежал на шезлонге под зонтом и не читал, и не спал как обычно. Он о чем-то грезил, глядя прямо перед собой в одну точку. Если так будет продолжаться, то скоро у него разовьется бессонница. Бедняга! Совсем выбился из привычного ритма.

Кока не замечал меня. Я подсунула ему под нос портрет Кэт. Кока вздрогнул:

– Что это? – спросил он.

– Кэт, – коротко ответила я. – Похожа?

– Ужасный портрет! Убери его! Ты никогда так не рисовала.

– Знаю, – согласилась я, – сама удивлена. А разве она не такая?

– Она красивая, – протянул Кока.

Кажется, мой муж находится под чарами этой женщины и не замечает ее странностей.

– Представляешь, – сообщила я ему, понизив голос, – она задушила гуся, скрутив ему шею!

– И что?

– Это было очень жестоко.

– Галина тоже часто убивает птиц. Тебя же это не смущает.

– Да, но Кэт это сделала с особой жестокостью.

– А ты видела, как это делает Галина?

– Нет.

– Так о чем тут говорить?

Кока прав. Похоже, я сама наделила Кэт какими-то свирепыми свойствами. Наверное, потому что мы познакомились при необычных и ужасных обстоятельствах. Нужно перестать нервировать себя и подозревать ее неизвестно в чем. Успокоившись, я ушла интересоваться, что у нас с обедом.

Кэт хлопотала у плиты: в духовке жарился гусь, а в кастрюле варилась подлива с невероятным запахом.

– А где Галина? – спросила я ее.

– Я отпустила ее, – сообщила Кэт.

– Угу, понятно, – кивнула я.

Она отпустила ее... Вспомнив, что сняла с Кэт все подозрения и теперь отношусь к ней доброжелательно, я миролюбиво спросила:

– Вы умеете готовить?

– Да.

– Вкусно пахнет.

– И не только пахнет, – заверила она.

– Уверена, что так и есть, – подбодрила я ее.

Она в ответ только хмыкнула.

Через полчаса Кэт давала распоряжения, а услужливый Кока накрывал на стол. Батюшки, это что ж такое делается?! Кока работает! Грядет апокалипсис, не иначе! Если бы я знала в тот момент, насколько была недалеко от истины.

Гусь был восхитителен, а подлива к нему – волшебной! Я даже позабыла обстоятельства, при которых птица оказалась у нас на столе.

– Вы прекрасно готовите! – искренне похвалила я Кэт.

Она согласно кивнула, что вполне естественно. Но что меня опять удивило – это реакция Коки. Он засиял так, будто я похвалила его самого. Весь его вид говорил о том, что он гордится этой женщиной. Но ведь это я его жена, это мной он должен гордиться! Тем более, что очень часто есть чем! А не Кэт, совершенно посторонним человеком. Да! Тяжело мне будет относиться к ней без предвзятости...

– Тебе нужно сменить прическу, – вдруг сказала она мне.

– Я давно уже собираюсь это сделать, – согласилась я, – только вот не представляю, какой она должна быть.

– Я знаю, – заверила она меня.

– Да? И какой?

– Ножницы есть?

– Конечно!

– Еще нужно купить краску для волос. Где магазин?

– В поселке есть магазин. Но не уверена, что там продают хорошую краску.

– Я схожу и куплю. Где он находится?

– Я могу показать, – предложил Кока.

Что ж, очевидно, что мой муж уже влип. Он очарован Кэт и готов выполнять любое ее желание. Мешать ему в этом не вижу смысла. Если человек чем-то поглощен, остальное для него не имеет значения – это я знаю по работе. Выйти из этого состояния и очнуться он сможет только сам. Отрезвить его намеренно не получится: сейчас он глух и слеп. Придется пока мириться.

– Что ж, идите, – сказала я им.

Они быстро собрались, оставив мне грязную посуду и неубранный стол. Я опять перешла в разряд прислуги.

Я прибралась на кухне и позвонила дяде Вене. В конце месяца у меня должна состояться выставка в Нью-Йорке. Следовало прояснить организационные моменты.

– Алиса, здравствуй дорогая! Как ты поживаешь? – ответил Вениамин Петрович.

– Все в порядке, дядя Веня!

– Что-то случилось? – насторожился он.

– С чего вы взяли?

– Ты не умеешь врать. Твой голос подозрительно бодр. Говори, в чем дело?

Что я могу рассказать ему? Что спасла от смерти молодую сексуальную женщину, из-за которой моя семейная жизнь трещит по швам? Звучит странно, да и долго рассказывать. Если буду скрытничать, Вениамин Петрович примчится сюда через несколько часов, чтобы прояснить обстановку. Придется рассказать полуправду.

– Да с Кокой у меня проблемы, – объяснила я дяде Вене.

Его это сообщение обрадовало.

– Я тебе давно говорил... – начал он.

– Я помню, – перебила я.

– Ладно, не переживай, наладится! А если нет, то еще лучше! – утешил он.

– Хорошо. Я звоню насчет выставки, – сменила я тему.

– Визу я открыл, документы подготовил, картины уже переправил, насчет аукциона договорился, билеты доставят на днях. Ты как? Готова?

– Да.

– Я за тобой заеду во вторник двадцать первого в десять утра.

– Хорошо, буду ждать!

Я послунялась по дому, включила телевизор. Никак не удавалось сосредоточиться на экране. Я переключала каналы и думала о своих семейных делах. Четыре года мы жили спокойно и беззаботно, и вот за два дня наш уютный мирок изменился. В него вторглась хищная и сильная женщина. Я, конечно же, не была к подобному готова, поэтому сейчас мне непросто решить, что делать дальше: чтобы сохранить нашу семью, нужно избавиться от Кэт. Но теперь у меня нет уверенности в завтрашнем дне. Если Кока созрел для любовных приключений, то неважно, будет Кэт рядом или нет. Крах нашей семьи – вопрос времени. Завтра или через неделю подвернется другая женщина, и Кока упадет на нее. Не могу же я изолировать его от внешнего мира! Да и стоит ли? Пусть все идет своим чередом. Будет так, как должно быть, а я понаблюдаю за своим мужем. Даже интересно узнать, как он проявит себя в нынешних обстоятельствах.

Приняв решение, я вдруг ни с того ни с сего захотела поотжиматься. Вернее, попробовать это сделать. Мне едва удалось приподнять тело на руках. А уж о том, чтобы хлопать в ладоши между отжиманиями, и говорить нечего. А кричать «хоп» – и подавно! Я обессилено распласталась на траве. Да, спорт не мой конек!

В этот момент подошли Кока и Кэт. Они не заметили мое обессиленное тело, и я услышала их разговор:

– Ты божественна! – сказал Кока.

– Помни об этом, – наказала она ему.

– Я никогда этого не забуду! – заверил он.

Я почувствовала себя неловко, будто специально притаилась и подслушиваю их разговор.

Пришлось подать голос и заодно попробовать перетянуть одеяло на себя.

– Кока, – позвала я мужа слабым голосом.

Он огляделся, увидел меня неподалеку. Понял, что я все слышала, и густо покраснел. Все еще стыдно ему. Значит, не все потеряно.

– Кока! Я вот упала и встать не могу, – жалобно сказала я.

– Давай, держись за меня, – он протянул мне руку, – у тебя что-то болит?

– Нет. Просто поскользнулась и ушиблась, когда падала.

– Ну, давай осторожненько поднимайся, – Кока был искренне участлив.

Видимо, сработал рефлекс. Он привык опекать меня, когда я «нездорова».

– Дай, я! – сказала Кэт.

Она подхватила меня под руки и поставила на ноги.

– Можешь идти? – спросила меня.

– Не знаю.

– Держись! – она взяла меня на руки и быстро добежала до ближайшего шезлонга.

Секунда – и я уже сидела в нем. Кока оторопел и вновь вперился в Кэт масляными глазами. Не думала, что мужчин могут привлекать настолько сильные женщины. В общем, в этом поединке победила Кэт! Ну я хотя бы попыталась.

– Купили краску? – поинтересовалась я.

– Нет. Не было нужной, – сказала Кэт.

– Завтра поедем в Москву. Можно? – спросил Кока.

– Езжайте! Стричься будем?

– Завтра, когда будет краска, все сделаем одновременно, – объяснила Кэт.

– Хорошо. Я пойду прилягу. Сегодня ночью плохо спала.

– Тебе помочь дойти? – предложил Кока.

– Нет. Я сама.

Я взяла в библиотеке первую попавшуюся книгу и ушла в спальню. Может, чтение отвлечет меня. Я устроилась в кровати и открыла книгу. Это был Ги де Мопассан. Неудачный выбор! В его новеллах полно сексуального подтекста, а иногда и откровенных сцен. Мне сейчас этого вполне хватает и в жизни. Я отложила книгу и попробовала уснуть. Я слышала, как работал телевизор на первом этаже, о чем-то рассказывал Кока. Однако он стал намного словоохотливей, чем раньше. Завоевывает сердце богини. Я уснула.

Этой ночью все повторилось. Сначала я проснулась от переполнявшего меня страха. На балкон выходить не стала: луна светила ярко, ее холодный неуютный свет проникал сквозь шторы. И вновь я услышала зловещее рычание – страшно было до жути. Но сегодня я решила бороться: каждую ночь трястись от неизвестности и бояться у меня больше нет сил. Врага нужно знать в лицо! Нужно хоть понимать, чего ты боишься, а не рисовать мысленно картины, одну страшнее другой. С моим воображением это невыносимо. «Подъем!» – скомандовала я себе. Быстро поднялась, включила свет, оглядела спальню: никакие чудища под кроватью и по углам не прятались. Я совсем расхрабрилась. Надела спортивный костюм, кеды и взяла фонарик – он всегда лежал у меня в тумбочке на случай, если отключат свет. Тихо спустилась на первый этаж, осветила лучом все укромные уголки дома: ничего и никого. Я прислушалась – тишина. И вдруг опять этот рык! Он исходил из комнаты на первом этаже. Может, это ночная птица залетела к нам прошлой ночью? Или все же лесной зверь? В любом случае, сегодня я хочу знать это наверняка. Я достала из буфета пневматический пистолет. Им я, конечно, никого не убью, но напугаю точно. Да и мне с ним спокойнее. И пошла в ту сторону, откуда ранее слышала звук, и уперлась в комнату Кэт. Значит, рычат оттуда. Может, это Кэт держит у себя какое-то чудище лесное? Я приоткрыла дверь. Свет от фонаря мне был не нужен: шторы не были задернуты, поэтому луна хорошо освещала мечущуюся на кровати Кэт, ее белые волосы и перекошенное лицо. Ей, наверное, снилось что-то совсем ужасное, раз она так страшно, утробно рычала. Наверное, мои вчерашние сны по сравнению с ее – просто сказочные мультики. А может, это луна так на нее влияет? Я знаю, что бывают такие люди. Я подошла к окну, задернула шторы, на цыпочках дошла до двери, постояла, послушала. Кэт перестала хрипеть. Ее дыхание стало ровнее и, кажется, она успокоилась.

Мне стало жаль ее до глубины души, даже слезы навернулись на глаза. Оказывается, что и у сильных женщин есть свои страхи. Им тоже бывает нелегко.

Остаток ночи я спала спокойно.

Утром я проснулась под уже привычное «хоп». Снова вышла на балкон, полюбовалась Кэт и запомнила, как она делает зарядку. Вдруг я тоже начну совершенствовать себя.

Наскоро позавтракав, Кока и Кэт уехали в Москву на его «ауди». Галина поглядывала на меня с любопытством. Очевидно, что ситуация казалась ей странной. Она долго кружила вокруг меня и, не выдержав, спросила:

– Это ваша подруга?

– Не совсем, – уклончиво ответила я.

– Она нравится Николаю Валентиновичу, – зачем-то, понизив голос, сообщила женщина.

– Да, я знаю.

Галина приподняла брови, пожала плечами и прекратила расспросы.

Не знаю, какой вывод она сделала, но позднее я пожалела, что не рассказала ей о Кэт.

Ближе к вечеру они вернулись. Не думала, что покупка краски для волос может занять столько времени. «Это все из-за пресловутых московских пробок», – придумала я им оправдание.

Кока выглядел плохо. Он был растерян, бледен, сконфужен. Я разглядывала его, пробовала заговорить, но он избегал меня и разговоров.

Кэт усадила меня на террасе и начала стричь. Я доверилась ей: она олицетворяла физическое совершенство, поэтому казалось, что если женщина умеет себя подать, то она знает и видит, как исправить недостатки другого человека.

Около двух часов она возилась с моими волосами, орудуя ножницами и машинкой для стрижки, которую они купили в Москве. Потом мне разрешили посмотреть на себя в зеркало. Я сняла очки: близко я хорошо вижу, – и оторопела. У меня была короткая стрижка, один к одному как у Кэт, с блондинистыми волосами. Это прическа очень-очень мне шла, но... Я и Кэт стали почти абсолютно похожи. Сначала я удивилась, увидев в зеркале вместо себя ее отражение. Потом до меня стало доходить, что это – я, потому что она стояла напротив и отражалась иначе. Но когда Кока застыл как истукан и потерял дар речи, я поняла, что это сходство очевидно не только для меня.

Невероятно, как может изменить человека прическа! Короткие волосы открыли лоб, и брови стали заметнее: они сделали лицо немного удивленным, но и придали выразительности взгляду. Прежде прикрытые скулы оказались хорошей формы. Лицо стало полнее и милотвидней, шея визуальнo удлинилась. Но самое главное – глаза! Они казались огромными, как два блюда, а светлые волосы подчеркнули их голубизну. Я теперь не смогу носить очки: мне будет жаль прятать такие глаза. Несмотря на легкую близорукость, я носила очки в тяжелой оправе, чтобы чувствовать себя увереннее, и пряталась за ними, как за стеной. Без очков я чувствовала себя обнаженной. Попробую походить без них. Думаю, скоро привыкну и начну нормально видеть, а если нет – куплю линзы. Хотя мне как художнику необязательно рассматривать детали: я могу и додумать их. Так даже интереснее.

– Мы стали похожи, – сказала я Кэт.

Она только хмыкнула, что, наверное, означало: «Сама знаю!».

Я сравнивала нас. У нее глаза были чуть меньше: может, из-за того, что Кэт, когда внимательно приглядывалась, щурилась. Губы она немного поджимала, хотя от природы они у нее были пухлыми, как и у меня. А в целом теперь мы были как сестры. Сложно найти различия.

– Здорово получилось! – поблагодарила я. – Спасибо!

«Теперь на выставку в Америку я сама поеду как картинка, – подумала я, – то-то удивится дядя Веня!»

Кэт в это время сама стриглась машинкой, и как лихо! Наверное, так стригут в армии, только там совсем под ноль, а у нее оставались волосы около двух сантиметров. Через десять минут она закончила – теперь и длина волос у нас была одинаковой.

У меня было прекрасное настроение:

– Давайте поьем чай на террасе? Или, если хотите, что-то из алкоголя?

– Я хочу виски, – сказал Кока.

– А вы? – спросила я у Кэт.

– Я буду чай с молоком.

Кажется, Кэт вообще не употребляет спиртного. Молодец!

Мы зажгли фонари на участке, прикрыли террасу декоративной сеткой от комаров. Кока сел в кресло, забившись в мало освещенный угол. Я могла видеть лишь его ноги – но даже они демонстрировали возбужденность моего мужа. Сначала он, положив ногу на ногу, нервно раскачивал ей, потом постоянно менял их положение, елозил – в общем, места себе не находил. Постепенно опустошая бутылку, он становился спокойнее. А вскоре совсем расслабился – или уснул.

Что же такое произошло во время поездки в Москву, раз Кока настолько не в себе?

Мы с Кэт выпили чаю. Она сидела молча – по ее лицу ничего нельзя было прочесть. Изредка я ловила на себе ее изучающий взгляд. Наверное, любит свою работу. Я и сама необычайно довольна: мне даже импонирует, что мы оказались похожи с ней. Она ведь красивая! Значит, я теперь тоже привлекательная. «Может, даже скоро перестану сутулиться, и у

меня будет такая же горделивая осанка, как у Кэт», – задумалась я. Нужно будет порепетировать перед зеркалом.

Когда я очнулась от раздумий, Кэт рядом не было. В кресле храпел Кока. Я тоже поднялась в свою комнату, там я долго крутилась возле зеркала, все не могла налюбоваться на себя. Возбужденная, я легла спать, но сон не шел. С тех пор как Кэт поселилась у нас, я плохо сплю – по разным причинам. Провалившись часа два, я вновь услышала стон. Опять Кэт не задвинула шторы! Это что же, я теперь каждую ночь буду оберегать ее сон?! Ладно, схожу. А то от ее звуков и сама не усну.

Я осторожно спустилась на первый этаж и отправилась прямо к ее комнате. Тихо приоткрыв дверь и почти переступив порог, я тут же остановилась будто пригвожденная. Кэт стонала и металась по кровати не из-за луны, а... в объятиях Коки. Я застыла словно молнией пораженная, зато они, не замечая меня, предавались почти животной страсти. Кое-как я вышла из оцепенения, тихо прикрыла дверь и ушла. Я не стала привлекать к себе внимание, кричать и топтать ногами. Мне нужно было осмыслить ситуацию, решить, что делать дальше.

Я ушла в мастерскую: не могу находиться с ними в одном доме, мне противно... Заперев дверь изнутри, включила свет, принялась рассматривать некоторые наброски – в общем, пыталась отвлечься. Здесь же нашла портрет Кэт. Я правильно изобразила ее – тогда хоть еще и не понимая, я все же чувствовала ее сущность. Я спасла ее, привела в свой дом – а она забрала моего мужа, перевернула мою жизнь, отплатила черной неблагодарностью! Может, не зря ее хотели убить? Вдруг не только со мной она так мерзко поступила? Хотя стоит отдать ей должное: Кэт красиво подстригла меня, избавив этим от прежних комплексов. Но что мне дальше делать с этой внешностью, если прежняя жизнь разрушена?.. И вообще непонятно, зачем ей мой муж?! Рядом с ней, циничной, жадной, уверенной, должен быть другой мужчина. Сильный, крепкий, а не вялый и апатичный Кока. Что ей от него надо?! А что сам Кока думает, или он так поглощен страстью, что потерял рассудок?

Я прилегла на диване в мастерской, думая о муже и жалея его. Я чувствую, что он лишь пешка в игре Кэт, она использует его и выбросит за ненадобностью, а ему будет очень плохо – раньше с ним так никто не поступал. «Переживет ли он такое предательство? А я смогу пережить?!» – спросила я себя. Думаю, да: несмотря ни на что, у меня остается творчество, которое спасет меня. Я приму решение утром, а сейчас мне нужно отвлечься. Выставив на подрамник портрет Кэт, стала насыщать его цветом, не скупясь на мрачные тона: черня лицо соперницы, я изливала так свою боль. Я мстила ей как умела, превращая безобразный портрет в уродливую карикатуру. Процесс поглотил меня, с каждым мазком мне становилось легче.

Вдруг послышался настойчивый стук в дверь. Наверное, стучали давно, только я, увлеченная работой, ничего не слышала.

– Кто? – спросила я.

– Алиса, нужно поговорить, – раздался голос мужа.

– Я сейчас не хочу.

Помедлив, он жалобно произнес:

– Прошу тебя! Это очень важно.

– Хорошо, – сдалась я и открыла дверь.

Вместо Коки я увидела Кэт: с нездоровым блеском в глазах, она держала в руке небольшой мешочек.

– Что это? – спросила я, указывая на него.

В ответ она занесла мешочек у меня над головой, и я провалилась в темень.

Я падала так долго, что даже устала, и хотела прекратить это, но все дальше погружалась в пустоту – в ней не за что было ухватиться: так прошло уже несколько дней, а может, лет. Без понятия, где я и что со мной, я продолжала лететь...

«Как Алиса, – снова вспомнила сказку. – Так я тоже Алиса!»

Мозг ухватился за эту первую здравую мысль и попытался разбудить меня. Я с трудом возвращалась из бездны: голова раскалывалась от ноющей боли в затылке, глазные яблоки болели, во рту пересохло, губы слиплись. Усилием воли мне едва удалось разжать челюсти и разлепить сухие губы. Еще труднее было открыть глаза. Сначала маленькая щелочка, потом чуть больше – и вот один глаз уже открылся, но пока не видит. Значит, нужно напрячься и открыть второй. Концентрируюсь на этой мысли и повторяю все действия со вторым глазом. О чудо! Я их открыла! Но перед ними только белый туман. Что это? Я ослепла? Я ведь и до падения не очень четко видела, но не до такой степени! Что со мной? Потихоньку, не делая резких движений, пытаюсь повернуть голову – и здесь все белое. То же самое и с другой стороны. Где я? Всматриваясь, я начинаю понимать, что белизна неидеальна: она отдает желтизной, в ней есть трещинки и сколы. На что это похоже? Какое счастье! Это стены и потолок, некогда выкрашенные белой краской. Здорово! Значит, я не ослепла и нахожусь в реальном мире. А где этот мир, интересно? Еще раз осматриваюсь. Я в белой комнате, лежу на кровати с белым бельем. На белье обнаружился штамп. Фу! Значит, я в больнице. Что со мной произошло? Я упала от чего-то, обрушившегося на мою голову. Я вспомнила Кэт. Значит, она меня ударила, а потом я каким-то образом оказалась в больнице. А кто меня сюда привез? Нужно расспросить медсестру или санитарку. Где они? Нужно позвать. Я попробовала крикнуть – неудачно: вышел лишь сдавленный скрипящий звук. Мне бы попить... Нужно встать и найти медперсонал. Обслуживание в этой больнице не на высоте. А может, они думают, что я безнадежно больна, и не особо стараются меня выхаживать? Ладно, сейчас найду кого-то и объяснюсь. Я осторожно повернулась на бок, свесила ноги с кровати и приподнялась. Голова сильно кружилась, перед глазами проплыли разноцветные круги. Пройдет, посижу немного! Вскоре головокружение прекратилось. Я аккуратно встала, пошарила ногой в поисках обуви – ничего. Ну точно! Меня уже списали: даже обувь – и ту умыкнули. Вот ворье! Придется серьезно с ними разобраться. Дойдя до двери босиком, толкнула ее – не открылась. Значит, нужно потянуть на себя! Потянула – то же самое. Я дергала дверь туда-сюда, но тщетно – неужели закрыта? Но почему? Наверное, это сон, неприятный и странный. Огляделась: в комнате была только кровать, и больше ничего. Пол кафельный, тоже белый. Кроме другой мебели, отсутствовало еще что-то очень важное. Белые стены, дверь... Точно! Нет окон. Как это?! Они должны быть везде – даже в тюрьмах есть, а у меня дома окна просто огромные. Так, сейчас не об этом!.. В больницах и подавно должны быть окна, чтобы пациенты дышали, смотрели на солнышко и поправлялись. А если их нет, то на выздоровление не надеются... На ум пришла страшная догадка: неужели это морг? Только там, наверное, и не нужны окна. А дверь? Ведь если меня приняли за мертвую, зачем закрыли? Чтобы не сбежала? Ха-ха!.. Думаю, мертвым такое и в голову не придет. Я еще раз осмотрела ее: дверь была крепкой, с щелью на уровне глаз. Уже что-то! За ней было темно, только слева что-то светилось, изредка мигая. Там темно, а у меня почему светло? Ага! Лампочка горит. Притом довольно тускло – просто после той темноты, в которую я падала, это освещение мне показалось довольно ярким. Однако я стала лучше видеть, раз при таком слабом свете смогла рассмотреть трещинки на потолке. С чего бы это? Что же все-таки произошло? Нужно вспомнить, как я сюда попала. Как я ни старалась, это так и осталось загадкой – как и место, где я оказалась.

Я попробовала покричать сквозь щель: мой голос и так был слабым, а из нее выходили совсем приглушенные звуки, не похожие на слова. Но какой-то выход должен быть! Дядя Веня учил меня, что из любых ситуаций должен быть выход! Почему эта должна быть исключением?! «Думай!» – приказала я себе и еще раз осмотрелась. На мне была лишь широкая сорочка уже привычного цвета и с таким же штампом, как на постельном белье. Вот же она, разгадка! Нужно прочитать, что написано на этой выстиранной метке. Я всматривалась в буквы – они были сильно размытыми. Пришлось перевернуть всю постель, чтобы из отдельных слов ском-

поновать текст. *Психиатрическая клиническая больница им. Сморгоча, г. Москва.* Значит, я в психушке. Кошмар! Но почему?! Может, Кэт так сильно ударила меня, что моя психика пошатнулась? Наверное, это так, раз я ничего не помню. Одно радует в этих обстоятельствах: я в Москве. Здесь дядя Веня, он поможет. Жаль, что я не рассказала все Галине: если опекун начнет искать меня, она мало что сможет сообщить о последних событиях, поэтому поиски могут затянуться. Сейчас же мне остается только ждать, пока кто-то вспомнит обо мне и придет. Мне ведь нужно есть, пить и так далее. Не паниковать, а ждать! Что еще остается?.. Я дала себе установку не нервничать, чтобы скоротать ожидание, поспать. Это было непросто, но я уснула.

Вздрыгнув от прикосновения, я тотчас открыла глаза. Рядом со мной стояла медсестра и держала наполненный шприц возле моей руки.

– Она очнулась! – испуганно прокричала она кому-то и отскочила в сторону.

К нам подошли здоровенные дядьки в белых халатах.

– Тише! Тише! – прошептал один из них утрашающе-успокаивающим голосом.

– Что вам нужно? – спросила я. – Позовите врача!

– Позовем, позовем, – пообещали они, – только укольчик сделаем.

«Укольчик» меня беспокоил так же, как и санитары. Ситуация казалась мне зловещей. Нужно было как-то изворачиваться.

– Ребята, укольчик всегда успеем! Дайте с доктором поговорить, – как можно спокойней и убедительней проговорила я.

– Что-то ты, Кострова, подозрительно спокойная, – сказал санитар, – что-то задумала?

Это он к кому сейчас обращался? Где здесь Кострова? В комнате я видела только одну кровать – оглянувшись для уверенности, убедилась: кровать по-прежнему одна. И кроме персонала психбольницы и меня, здесь никаких Костровых нет.

– Это вы мне? – спросила я.

– Смотри-ка, какая вежливая стала после побега! – подтолкнул один детина другого.

– Прикидывается! – резюмировал тот.

Они все здесь сумасшедшие. Я слышала, что люди, работающие с психически нездоровыми людьми, сами превращаются в таких. Похоже, эти работники не исключение. Даже не знаю, как дальше вести беседу – попробую поговорить, как с больными людьми:

– Ребята, позовите доктора! Хочу узнать его мнение насчет меня.

– Ха! Мы тебе его мнение можем сообщить: шиза и еще раз шиза, – хихикнул санитар.

– Но все же! Хотелось бы услышать это от него, – настаивала я.

– Ладно, Илья, я сейчас позову. Тем более что у него и так обход, – сказала медсестра и вышла.

– Смотри, как Кострова похорошела! – сказал Илья другому санитару.

– Да! Отдохнула на воле от больнички. Где пропадала, Катерина? – обратился ко мне тот санитар.

«Катерина», – мелькнуло у меня в голове знакомое имя. Последний раз я его слышала от Кэт.

– Кэт? – переспросила я у него.

– Ну да, ты же у нас Кэт, а не Катерина!

– Так я не Кэт! Я Алиса, – объяснила я им.

– Ну полный крэйзи! – заржали они.

Так! Картина слегка вырисовывается. Эти два типа принимают меня за Кэт. Она, скорее всего, им хорошо знакома. Но неужели они не видят, что я не она?! Бред какой-то!

Пришел доктор. Серые короткие волосы, умные серые глаза за стеклами очков, слегка подрагивающие руки.

Увидев его короткие волосы и очки, машинально провела рукой по своей голове, нащупала ежик и вспомнила, что последний раз сама была удивлена сходству с Кэт. Вот почему они принимают меня за нее. Но не до такой же степени мы похожи, чтобы так ошибаться!

Если волосы еще не отросли, значит, я недавно здесь. А может, в больнице принято стричь пациентов?

– Что, Кострова, опять буянишь? – устало спросил доктор.

– И не думала даже, – спокойно сообщила я. – Можно мне узнать, как и при каких обстоятельствах я попала к вам?

Доктор удивленно и пристально посмотрел на меня, а санитары заржали.

– Кострова, у меня нет времени играть в твои игры! – сказал он.

– Как вас зовут? – спросила я его.

– Бог мой, еще и амнезия! – вскричал он. – Кострова, твой букет и так поражает! А ты еще и амнезию хочешь присовокупить?

– Какой букет? – удивилась я.

– Болезней, милочка, – разъяснил он.

– А-а-а... Может, вы осмотрите меня? – предложила я.

Вздыхнув, он пощупал у меня пульс, оттянул мои веки, рассмотрел зрачки, стукнул по коленке. Еще более пристально взглянул на меня.

– Вы хороший доктор? – спросила я его.

Санитары развеселились не на шутку.

– Тише вы! – осадил их доктор.

– Да вроде бы ничего, – ответил он мне.

– Тогда скажите, почему вы не видите, что перед вами другой человек?

– В каком смысле? – спросил он.

– Я так поняла, что меня принимают за Екатерину Кострову. А я Алиса Машкова.

– Прошу тебя, не начинай свой очередной бред, – взмолился доктор.

– Я недавно была знакома с женщиной по имени Кэт. Думаю, что из-за нее и попала сюда.

Эта особа с первых минут пугала меня. Она увела моего мужа, ударила меня по голове каким-то мешочком, и я почему-то оказалась здесь под ее именем. Существуют же методы, чтобы проверить – Кострова я или Машкова? – быстро протараторила я.

– Фу, как я от тебя устал, Кострова! – выдохнул доктор.

Я понимала, что этот разговор – почти единственный шанс убедить доктора в том, что я не Кэт. Важно не разозлить его и не утомить, а при этом найти аргументы для своего спасения. Нужно сделать что-то исключительное.

– Я понимаю, что вы мне не верите. Кем была Кэт?

– Тебе ли не знать свою биографию? – уклонился он от ответа.

– Хорошо. А Кэт умела рисовать?

– Не припомню.

– Прошу вас, пусть мне принесут ручку или карандаш и листок бумаги. Я профессиональный художник Алиса Машкова. И вы сами сможете в этом убедиться.

Доктор махнул рукой и протянул мне свой планшет с листом бумаги и ручку.

Никогда еще от моих набросков не зависела моя судьба. Я быстрыми уверенными линиями изобразила доктора, верзил-санитаров и медсестру.

– Во дает! – восхитился Илья.

– Поймите! Я много лет этим занимаюсь. Если Кэт не умела рисовать, она вряд ли бы смогла этому научиться за неделю или даже за год.

Доктор рассматривал наброски, приподняв очки.

– У нас нет информации относительно этих способностей Костровой.

– Вы как психиатр можете обследовать меня и убедиться, что мы – два разных человека.

– Знаете, меня, как психиатра, удивляет не ваша способность рисовать или ваше согласие на дополнительное обследование, а ваша манера говорить и убеждать. Кострова очень хитрая и коварная особа. И от нее можно ожидать всякого. Но сегодня она бы превзошла себя по выдержке. И потом – ваши глаза.

– Близорукие?

– Нет. Нормальные.

Я отметила про себя, что доктор уже не обращается ко мне как к Костровой. А тут еще и Илья:

– Да, док! Какая-то она не такая.

– Спасибо! – кивнула я ему.

Он мне подмигнул.

– Что ж, давайте общаться! – предложил доктор. – Ваша версия: как вы попали сюда?

Я рассказала о том, что нашла в лесу связанную женщину, спасла ее, приютила у себя дома и видела, как она занималась любовью с моим мужем и последнее, что я помню, как она ударила меня каким-то мешочком, а потом я как-то оказалась в этой больнице.

– Эта женщина называла себя Кэт. Еще я заметила, что она невероятно сильна, – добавила я.

Доктор и санитары внимательно слушали меня.

– Как она объяснила, кто ее связал? – спросил доктор.

– Никак. Я спрашивала ее на этот счет, но она не особо разговорчива.

– Она казалась вам странной?

– Немного странной. А еще подозрительной и очень жестокой. Она свернула шею гусю, а потом билась в конвульсиях. Это было странно.

– Ну, в ее случае это нормально. Она, очевидно, получила удовольствие от убийства. Те конвульсии, что вы наблюдали, были скорее всего оргазмом, – разъяснил доктор.

– Да-а?! – удивилась я.

– Да, так тоже можно, – сообщил мне доктор.

– Надо же! И сила у нее недюжая! Видели бы вы, как она отжималась!

– Многие психически больные люди очень сильны физически. Компенсация организма, так сказать, – разъяснил доктор.

– Я так понимаю, что она бывала в вашей больнице и раньше? Она что, сбежала?

– Да, она сбежала. Совратила санитаря, который присматривал за ней. Он помог ей пробраться за пределы клиники. Теперь к ней, то есть к вам, приставили двоих – вот этих лоботрясов, – указал он на санитаров. – Кострова очень опасный человек.

– Но что с ней не так, почему она такая?

– Этиология ее болезни не совсем понятна: вероятно, в детстве была травма психологического характера, так как физиологических отклонений в деятельности мозга обнаружить не удалось. Возможно, имел место аффектно-шоковый невроз. Но это лишь предположение, поскольку Кострова не идет на контакт. Вообще по истории болезни можно писать диссертацию – жаль, я стар для этого. Бесспорно, она неординарная личность с нестандартной психикой и невероятными физическими проявлениями. Если бы не причина, которая спровоцировала везанический, то есть безумный характер больной, она могла бы достичь невероятных результатов вне стен больницы. Например, в спорте.

– Но может, она действительно гениальна?

– Хороший вопрос. Гениальность – это отклонение личности от нормального типа, своего рода патология. Но только это отклонение со знаком «плюс», то есть направленное на созидание, творчество, прогрессивные достижения. А у Костровой отклонения, направленные на разрушение. Она страдает параноидальными проявлениями: мстительностью, склонностью к садизму и преследованию людей. Также у нее искажены социально-нравственные представле-

ния – с ними вы имели несчастье познакомиться лично. Это и отсутствие критериев порядочного человека, и неблагодарность, и крайний эгоизм.

– Сколько всего... – задумалась я. – А как она попала к вам?

– Год назад ее привезли к нам ее бывшие сослуживцы. Они были напуганы ее поведением.

Она сожгла их дома.

– Разве не полиция разбирается в таких случаях?

– Полиция завела на нее уголовное дело потому, что на месте пожара пострадали люди.

Но причастность Костровой еще следовало доказать. Ее сослуживцы настояли на психологической экспертизе, так как считали, что она совершила преступления потому, что не совсем владеет собой. Полицейские и ее бывшие товарищи привезли ее где-то в апреле прошлого года. Тогда Кострову обследовала комиссия психиатров. И подтвердили, что у нее пиромания – мания поджога. Еще была диагностирована табетическая аналгезия: отсутствие болевых ощущений. Иными словами, она не чувствует боли, отсюда и крайняя жестокость. Человек не может сострадать, так как не знает болевых границ. Так она оказалась у нас.

– В этой палате?

– Сначала она пребывала в палате с другой пациенткой, которую регулярно истязала и довела до попытки суицида. Пришлось перевести ее в эту одиночку для особо опасных.

– Я слышала, что в психиатрических больницах существуют такие лекарства, которые умирят и не таких опасных пациентов.

– Не секрет, что мы имеем возможность усмирить пациента с любыми формами отклонений. Но на Кострову почему-то препараты не очень действовали. Позднее мы выяснили, что санитар, с которым у нее была интимная связь, способствовал этому. Вместо психотропных средств она получала витамины. Он научил ее скрывать агрессию, и она казалась нормальной.

– Значит она не совсем больна, если умеет контролировать себя?

– Дорогая моя! Ненормальность на лице не написана и не всегда проявляется в каких-то вызывающих поступках, а может носить латентный, то есть скрытый, дремлющий характер. Даже погодные явления влияют на состояние психически нездоровых людей.

– Я видела, как Кэт было нехорошо, когда светила полная луна, – вспомнила я.

– Вот видите!

– А я как оказалась у вас? И когда?

– Вчера рано утром в полицию поступил сигнал, что сбежавшая из психиатрической клиники крайне опасная пациентка находится недалеко от Москвы, и был назван адрес и имя Екатерины Костровой. Полиция связалась с нами для подтверждения информации. Мой молодой коллега и полицейские выехали по указанному адресу и нашли вас. Ваше необычайное сходство не оставило сомнений, что вы и есть Кострова. Так вы оказались у нас. Кстати, я поражен, насколько вы с ней похожи.

– Это она меня подстригла так же, как себя, и покрасила мои волосы в белый цвет. Я еще не до конца верю, что выгляжу как она.

– Конечно, она все просчитала заранее, – резюмировал доктор.

– Она на это способна?

– Как видите!

– Но она не могла предугадать, что именно я найду ее в лесу.

– Нет, конечно! Она приспособилась к сложившимся обстоятельствам. Я уверен, что она не могла не заметить, что вы почти одного роста, одинаковой конституции, со схожими чертами лица.

– Я художник, но ничего такого не замечала. Лишь потом, после преобразования, – усомнилась я.

– Вы же не собирались меняться с ней местами, поэтому не рассматривали ее в качестве жертвы.

- И вы думаете, что она будет жить под моим именем?
- Скорее всего. У нее нет другого выхода.
- А я вместо нее должна лежать в психушке?!
- Видимо, так! – согласился доктор.
- Значит, вы не отпустите меня?
- Почему же?! Зачем вам здесь находиться? За вами диагноз не закреплен.
- Спасибо! А кто звонил в полицию? И были ли в моем доме другие люди?
- Кто звонил, я не знаю. Но в доме, кроме вас, никого не было. Полиция еще будет разбираться по этому поводу и искать хозяев дома для уточнения деталей.
- Вы говорили, что ее привезли к вам сослуживцы. Она что, где-то служила?
- В войсках специального назначения «Багира». Три года назад ее уволили за превышение полномочий. Кем она была в гражданской жизни, неизвестно.
- А сколько ей лет?
- Тридцать четыре.
- Ну ничего себе! Выглядит она моложе тридцати.
- Да, она в хорошей физической форме, – согласился доктор. – А вам сколько лет?
- Мне как раз тридцать. Все еще сомневаетесь во мне? – спросила я.
- Уже нет.
- А кто ее товарищи, которые привезли ее к вам? О них что-нибудь известно?
- Да у меня есть их номера телефонов и известны их имена.
- Можете мне дать?
- Зачем вам?
- Хочу узнать о ней побольше. Ведь с ней теперь мой муж. Может, он в опасности.
- Этого нельзя исключить. Я дам вам их номера. Так! Еще вас нужно как-то отправить домой и уведомить полицию об ошибке. Надеюсь, вы не будете предъявлять претензии к нам за бесцеремонное отношение?
- Не буду. В обмен на информацию о коллегах Кэт, – решила я извлечь пользу из ситуации.
- Хорошо.
- Еще мне нужно позвонить своему дяде.
- Пройдемте в мой кабинет. Вы голодны?
- Я пить хочу еще с ночи, так можно и умереть от обезвоживания.
- Пить вам хочется потому, что вчера вам укололи снотворное. Сегодня бы вам поставили капельницу, и вы бы перестали чувствовать жажду.

В кабинет доктора принесли мою одежду, в которой я была в мастерской. Она была слегка испачкана краской. Доктор заметил пятна и, кажется, еще больше успокоился на мой счет. Доктор сам приготовил мне чай и угостил бутербродом. Я позвонила дяде Вене и попросила забрать меня из психушки.

- Алечка, что случилось? У тебя срыв? Что опять нахлынуло? – забеспокоился дядя Веня.
- Нет. Все в порядке, я позже объясню.
- Хорошо, еду!

Доктор хорошо слышал вопросы моего опекуна и насторожился, как настоящий профессионал.

- У вас бывают срывы? – спросил он.

– Я не знаю, как это назвать. Это творческое вдохновение, но настолько сильное, что я рисую как безумная. При этом не хочу ни есть, ни пить, ничего другого. Я даже не помню самого процесса. Вы думаете, я с приветом?

- И что получается в результате? – уклонился он от ответа.

– Картины, которые потом очень дорого стоят.

– Вот у вас как раз все признаки гениальности: отклонения от нормы с положительным результатом.

– Я могу сойти с ума? – спросила я.

Я решила проконсультироваться по наболевшему вопросу, раз уж подвернулась такая возможность.

– Не уверен. Думаю, вы просто так тонко устроены, так реагирует ваша психика на творческие приливы. Процесс вдохновения настолько активно действует на ваши эмоции, что психика, защищаясь, отключает другие потребности, чтобы не подвергать себя излишней перегрузке.

– Вот спасибо! А то я давно беспокоюсь по этому поводу.

– Можете обращаться, если нужна консультация.

– Почему у вас никто не дежурит ночью? Когда я проснулась, здорово испугалась – одна в таком странном месте.

– Если бы вы были Кэт, то не должны были проснуться от того лекарства, что вам укололи. Оно на нее раньше хорошо действовало, а для вас, скорее всего, дозировка должна быть иной. Как ваше самочувствие? Голова не кружится, не тошнит?

– Да нет! Вроде бы нет, – прислушалась я к себе. – А чем меня ударили? Что было в том мешочке?

– Я думаю, песок. Таким предметом можно хорошо отключить человека, и он не оставляет следов.

– Я до сих пор не знаю, как вас зовут.

– Ганишкин Игорь Борисович, – представился доктор.

– Алиса Машкова, – еще раз представилась я.

– Рад знакомству! Простите за ошибку.

– Да что уж теперь!

– Я хочу вас еще раз предупредить: будьте крайне осторожны с Костровой. Она человек опасный и непредсказуемый. Если все же попадете в неприятную ситуацию, найдите ее слабую сторону и давите на нее. У каждого человека есть болевая точка. Даже у такого, как Кострова. Вы запомнили?

– Да. Спасибо, Игорь Борисович! Надеюсь, до этого не дойдет, но я учту.

Позвонили из приемной и сообщили, что за мной приехали. Доктор провел в кабинет дядю Веню. Вениамин Петрович скользнул по мне взглядом и огляделся по сторонам. Я поняла, что он меня не узнал.

– Дядя Веня, это я, – позвала я.

– Алиса? – оторопел мой опекун, – тебя не узнать.

– Вот из-за моей новой прически меня и приняли за другого человека и забрали сюда.

В общем, произошла ошибка.

Это было наполовину правдой, я посмотрела на доктора, умоляя взглядом не раскрывать подробности.

– Да, мы ошиблись, – подтвердил Игорь Борисович, – простите еще раз.

– Я и сам тебя не узнал, Лисонька. Ну ты даешь! Подстричься так красиво и загреметь из-за этого в психушку – нарочно не придумаешь!

Дядя Веня поверил. Мы простились с доктором и поехали ко мне домой.

По дороге обсудили предстоящую выставку. Вениамин Петрович всю дорогу поглядывал на меня с интересом. Я спросила:

– Ну что вы? Что-то не так?

– Почему-то раньше не обращал внимания, какая ты у меня красавица. Нужно срочно сделать новые афиши. Американцы с ума сойдут! Талантливый художник с такими чертами лица! А где твои очки? Они скрывали такие глаза.

– Я решила отказаться от них.

– Отлично! Никогда больше не прячься за очками.

Я улыбнулась. Дядя Веня раскусил меня.

– Хорошо! Мне самой тоже очень нравится.

– Да супер! Супер! – восторгался дядя Веня.

Мы приехали в мой дом. Я украдкой осматривалась. Что изменилось за время моего отсутствия? Явных перемен не наблюдалось. Позднее изучу детали.

– А где твой труте... – начал опекун.

– Мой муж уехал к маме, – опять соврала я, – мы решили пожить немного отдельно.

– Есть бог на свете! – сказал дядя Веня и возвел глаза к небу.

Я не хотела рассказывать историю появления Кэт и исчезновения Коки. Выглядит она подозрительно и как-то неправдоподобно, да и не хочу беспокоить Вениамина Петровича.

Я сварила кофе. Дядя Веня пил маленькими глоточками и рассуждал.

– Так! Сегодня договорюсь насчет фотосессии. Потом отправлю снимки в Нью-Йорк: пусть закажут и развешат плакаты по городу. Нужно еще пару рекламных площадей оплатить. Ты произведешь фурор! Аншлаг нам обеспечен. Как прилетим, пройдемся по бутикам, приоденешься. Ты вся должна соответствовать своему лицу. Ну какая красотка! Умница моя! Сама себя пиаришь!

– Дядя Веня! Главное, чтобы мои картины были приняты хорошо, – сказала я ему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.